

ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ

УДК 908/929

**Обыкновенная история «маленького человека»
(Записки муромского мещанина Александра Ивановича Гладкова)
(Продолжение)***

Подготовка к публикации, вступительная статья и комментарии:

¹ Евгения Ивановна Сазонова

² Юрий Михайлович Смирнов

¹ Муромский историко-художественный музей, Российская Федерация
602267, Владимирская область, г. Муром, ул. Московская, 13
кандидат исторических наук, главный научный сотрудник
E-mail: smirnov@museum-murom.ru

² Муромский историко-художественный музей, Российская Федерация
602267, Владимирская область, г. Муром, ул. Московская, 13
главный научный сотрудник
E-mail: smirnov@museum-murom.ru

Аннотация. В дневнике муромского мещанина Александра Ивановича Гладкова (1815–?) отражена жизнь «маленького человека» из провинции, избравшего занятия торговлей своей жизненной стезей. Это история выходца из небогатой семьи, который трудом и самообразованием достиг определенных успехов, однако потерял все из-за пьянства. Записки фиксируют многие стороны быта и взаимоотношений жителей старинного купеческого города и подкупают своей откровенностью, обращаясь к тем сторонам личной жизни, о которых тогда вслух не говорили.

Ключевые слова: Гладков; вино; дневник; записки; мещанин; Муром; пьянство.

Л. 222об.

1863-го Года

ГЕНВАРЬ. Со второго числа опять начал пьянствовать. Но с 1-го числа шуриин Левонтий Ермолаевич предложил мне в своей конторке заниматься счетоводством, и тут же мне высказал: «Что им это письмоводство не так уж нужно и неважно», – что меня жестоко раздражило и за что я бросил у них занятия (не знай – это было оказано с целью или по недоумению).

2-го числа. В нашем доме дворник (пестенькинский крестьянин) Зиновий Андреевич Хромой и жена его Дарья Фадеевна – они были несколько раз замечены в соединении мужа с женщиной; и этого числа захвачен санниковский крестьянин Ефим Андреев с неизвестной женщиной (будто бы с санниковской дьячихой) в среднем подклете [1]. Но покудова Зиновий с женою своею мне кланялись, они в окно ушли. И потом, Зиновий, оправдываясь, и считая себя обиженным, и за что обругал меня и мою жену всячески.

В этом месяце 10 родила сестра моя Елена Ивановна Ковалева дочь Татьяну, а именины были 12 часов.

В этом же месяце около половины,

Л. 223

был в гостях у шурина Павла Ермолаевича, который сидел вместе со мною, в глаза высказал недостатки нравственности своих зятьев. Меня считая не способным за пьянство. Дехтярева

* Начало см.: Русский архив. 2013. № 1 (1).

посчитал неспособным за мягкость характера, а Калинина посчитал неспособным за жесткий характер или тяжелый. В январе пропил и заложил у Усова сертук [2] и книги, за сколько, по случаю пьянства, не помню.

Февраля 2-го. Были вместе с женою на поминках у сватьев [3] Григорья Исакова и Василья Исакова (у шурьев брата Владимира), которые справляли поминки матери своей Афанасии Григорьевны (этого числа ей по смерти было 40 дней). Приняли нас радушно и угостили хорошо. И я напился довольно изрядно. Но, все-таки, шедши домой, зашли в Спасской пивной дом, к Ивану Митрофанову Парину, который пьяный спал, а жена его Анна Федоровна, полюбовалась с нами улыбками, но попотчевать нас постыдилась своего кармана.

5-го числа. Поссорились с Дмитрием Кирилловым Зворыкиным, за то, что не велел держать Зиновья в дворниках, и он меня, поругавши довольно, отправился неизвестно мне куда. Потом, вечером, напившись до безумия, и не зная для чего, привел к дворнику 3-х полицейских солдат, которые меня довольно поругавши, ушли. И в этот же день ни за что прибил дворничиху Дарью Фадеевну, а все из-за пьянства.

7 числа. Пить еще не переставал, а как денег нет и заложить нечего, так до 12 часа утра (масленицы четверга) вина не пил. Но четверток, пятницу, субботу и воскресенье – пьянствовал до 11-го февраля жестоко. Но с 11-го, с памяти священномученика Власия [4], брат приехал из Владимира 16-го, часу в 11 по полудни. И мы с семейством (до конца месяца) пользовались его чаем, сахаром и частично провизией.

Л. 223об.

Марта 1-го. Владимир, брат, помещен от складчика Никитенко (в Усовский корпус) в питейное заведение. По старанию и по просьбе своего шурина Василия Исакова, так как Василий был у Никитенко рабочим в подвале – я же просил шурина своего Павла Ермолаевича, что бы меня по его ходотайству поместили в ведерную [5] от складчика [6] Вишнякова. Тогда ведерная была в его дому. Но Павел Ермолаевич не мог хлопотать для меня места (но в эту ведерную поместили дочь, девочку лет 16-ти вдовы Немчиновой, а сама Немчинова помещена в Усовском корпусе). Итак, доброжелатель и бедняк, и рабочий исхлопотал своему зятю место. Да благословит его Господь Бог. А богатый и славный шурин!!! не мог исхлопотать своему бедному зятю места!!! Богатство! Ты как забываешь и гонишь бедность. Но мне не дай, Господи, этого помнить, но кольми паче исполнять.

Апреля по 5 число. Замечательного ничего не встречалось, только брат Владимир в последних числах марта (как я оставался один торговать в питейном доме) меня поклепал 43 коп. серебром, да еще скряжнически или очень скупно поступал со мною. Выделил я брату Владимиру из отцовского имени: 1-е святцы листовые [7], 2-е святцы листовые писанные рукою родителя нашего, 3-е «Потерянный рай» [8] книгу, 4-е Акафист Дмитрию Ростовскому [9], 5-е Жития муромских чудотворцев князя Константина и чад его Михаила и Федора, писанные рукою родителя нашего [10].

14-го числа. В нашем доме (в Троицкой улице) была свадьба (бывшего человека Дмитрия Сергеевича господина Епишева) Александра Гаврилова Каткова, а взял жену муромского мещанина (покойного) Александра Степанова Чулошникова, дочь Александрю.

16 числа. Александра Каткова посадили в Трубну, будто бы он, служа во Владимире у помещика лакеем, украл 700 рублей серебром 3-х рублевыми билетами [11]. (И у него в квартире в нашем доме был обыск 1-го, ничего не сыскалось, и сего ж числа выпустили из Трубны на поруки дворецкого господина Епишева Матвея Фугасова).

20 числа. По взысканию 45 рублей серебром за родителя Иваном Васильевым Пановым оценивали дом при квартальном надзирателе [12] Павле Харитоновиче, ратмане Петре Васильевиче Гундобине и оценщике Василье Васильеве Мяздрикове (оценили дом за 250 рублей серебром). При сем и находился Пехов.

Май. В этом месяце начал разучать грамматику Александра Востокова [13] и расположения наук несколько переменил: понедельник – арифметику, вторник – грамматику А. Востокова, каждый параграф читать 6 раз и раз писать, и потом делать разбор. Среду писать грамматику Греча [14] одни ответы, каждую задачу раз прочитать и раз написать, четверг рисовать. Пятницу – чистописание. Субботу – хозяйственная часть. Воскресенье – читать Священное писание.

31 числа. Взят сын Павел от купца Василия Михайловича Серпуховитина, у коего он жил с 23 апреля 1859 года, следовательно, 4 года 39 дней. Получал жалованье, за 1 год 1859 – 6 рублей серебром; за 2-й 1860 год – 10 рублей серебром; за 3-й 1861 год – 18 рублей серебром; за 4-й 1862 год – 27 рублей серебром, а в 1863-м году по расположению времени приходится 39 дней. Но как апреля 8-м дней не считалось

Л. 224

в службу: то поэтому за первый май месяц выдано жалованья; в прочем 3 рубля 13 копеек серебром.

В течение 4-х лет и 39 дней получено за него жалованья 64 рубля 13 копеек, да подарков деньгами и вещами на 13 рублей серебром. А всего с подарками 77 рублей 13 копеек. Но собственно в дом поступило во все время 12 рублей 75 копеек, а последние употреблены ему же на платье и обувь. Да еще в это время поступило на него от шурьев платья поношенного и нового на 17 рублей 37 копеек серебром по моей оценке. И так по расчету добыча его составила у брата 4 рубля 12 копеек. Следовательно, в это время только прокормился и оделся.

Июня сего 1-го поступил сын Павел в услужение к шурьям Ермолаевичам Тагуновым, в хлебную лавку, жалованья обещано Левонтием Ермолаевичем в год 50 рублей серебром, а более оклад зависит от расположения хозяев и от его занятия и знания дела.

23 число. Воскресенье. По доказательству дворницы Дарьи Фадеевны (пестенькенской [15] крестьянки), что постоялка [16] наша (в малом подклете), муромская мещанка (из новопроездных) Стефанида Африкановна Иванова пустила в чуланчик незаконно пару исполнить плотские похоти. Что я и действительно застал и, заперевши чуланчик, побежал в полицию, чтоб захватить и отправить этих людей в полицию. Но прежде забежал к брату (в питейный дом) посоветоваться, но по совету брата не пошел объявлять полиции, а оборотился домой. Пришел в дом и отпер чуланчик – тех людей уже не было в чуланчике; они выпущены были в окно. Довольно поругавши и пожуривши Иванову, велел ей приискывать квартиру, и при том Ивановой высказал, что она во время нашей ярмарки более никого к себе не пускала, как-то двух своих сестер, сваху и свата, отца с матерью, снохи Степановны, то есть жены сына Андрея. Даже не велел пускать Ивановой сестру ее Марью Африкановну, потому что она живет незаконно с отставным солдатом [17].

25 число. После обедни, зашедши в комнату Ивановой, застал полную комнату разного народу. Разгорячившись, выгнал и вытолкнул всех из комнаты, а Иванову всячески изругал. К вечеру этого же числа попала сестра Ивановой Марья и с какой-то женщиной (на дворе). И я обеих их вытолкнул со двора и пошел.

Иванова ли (но как она говорила, что не жаловалась), или Марья сестра ее, и по сему видно, что с означенной женщиной Марья разжалобилась брату Владимиру, который пришедши из питейного дома в часу 11 вечера ужинать. Я, случайно взошедши в его комнату, намериваясь пересказать ему происшествие этого дня. Владимир брат, не давши мне договорить об этом происшествии, начинает меня всячески укорять и упрекать всякой безделицей

Л. 225об.

даже нестоящей внимания, и укорил, что он три года платил за меня подати [18]. А я платил семь лет подати, этого не помянул (он платил за 1 год – 6 душ, а за 2 года по 4 души; мною же плачено по 8 и по 10 душ). И не помянул ни стараний, ни большие издержки мои в доме, а упрекнул, что у дворника Зиновья Андреева (пестенькенского крестьянина) всякая сволочь народу, от коего его дети получили болезнь. Я, не желая взойти в большой азарт, вышел из его комнаты, с сердцем, переполненным горести.

Вышел на двор, на дворе пыльщики [19] пели во все горло песни. Заставляю их перестать с угрозою, что посажу в полицию, но дворник Зиновий, раздражая меня, поощрял пыльщиков более кричать песни. Тут я, совершенно разгорячившись, бывший и до этого братом рассерженный, побежал в полицию взять солдат и засадить дворника Зиновия в полицию.

Пришедши в полицию часу в 12 вечера, не заставши ни одного квартального, а застал солдат большую часть пьяных (это была ярмарка [20]), а трезвые солдаты не соглашались

взять Зиновья в полицию (под предлогом, что он буян и его вести надобно в 10-ть человек). И так я отправился искать квартального надзирателя.

Вышедши из полиции с переполненным горестию и злобою сердцем, опять не нашел квартального. Попался мне зять Владимир Иванович Ковалев, с которым выпили красного виноградного вина, отправился с ним и у него ночевал в доме.

26 числа. Вставши по утру, и по стечению разных неприятных обстоятельств, выпил простого вина, и так зачал пить. (Не пил с 11 февраля по 26 число июня, 135 дней), но с этого числа пил до конца дней и далее.

В пьяном виде неоднократно ругался с братом, но более жалел и совестился, что обругал и всячески обозвал невестку (жену брата Владимира) Елену Исаковну. Да еще обругал и наделал разные оскорбления Ивану Ивановичу и Анне Яковлевне Власовым и зятю ихнему (Архангельскому голове) Федору Ивановичу, и дочери ихней – Прасковье Ивановне (жене Федора Иванова). В этом пьянстве закладывал вещи, валялся, буянил и всячески безобразничал. Два раза выбивал стекла, бил и всячески обзывал жену. В некоторых случаях и жена была виновата: в самых тяжелых похмельях не могла охмелить и на 2 копейки серебром. И потому она терпела ругательства, и стекла были выбиты. Но, все-таки, виноват я – от невоздержанного пьянства.

Л. 226

30 числа. Был брак Василия Исакова Воронцова (с девицею Мариєю Дмитриевною) дочерью пряничника [21] Дмитрия Крылина, шурина брата Владимира, а брата невестина Елены Исаковны. И мы с женою были приглашены на брак, но жена моя на браке не была, оставалась она с детьми. Я пришел в 8-ом часу вечера, уже обед после венца оканчивался, а для меня был собран стол особенный, я хорошенько закусил и порядочно напился водки. Еще выпили у Недомерова, напротив сватьев в кабачке. Но этого мало, еще стали напрашиваться, но нас от этого отклонили, но мне это не понравилось, да и видя, что я уже ослаб, и не дождавшись настоящего обеда и новых гостей, отправился в часу 11 по полудни домой. И больше на этот брак не приходил.

Июля 3 числа. Я был именинник, теща Наталья Степановна была на именинах, принесла чаю и сахара, но ни брат, ни шурья, ни свояки и ни своячницы не были, и ничего не принесли. Зять Ковалев был и принес четвертак, Зиновий дворник принес 1/20 [22] вина и пару калачей [23]; да еще был Михаил Федоров Смольянинов, заложивши вещь, принес 1/50 вина. А за его ко мне доброжелательство брат Владимир даже Смольянинову сделал выговор: не то, что бы мне дать, но даже заобиделся на тех, которые мне дарили. И так по 10 число пил и дебоширничал. И этот раз пил 14 дней.

10 числа. Намерился отправиться в Нижний на ярмарку. Но, зная, что брат Владимир на меня сердится. Хотя он начал ссору, но так же и я впоследствии был виноват – все-таки дожидаясь его – попрощаться. Часу в первом пополудни он приходил в дом обедать. После обеда я дожидаясь, что зайдет проститься, зная, что, я уезжаю, но он не зашел, а отправился в питейный дом, даже со мною не повидавшись. Хотя мне было и прискорбно: «Но, помня, что Бог владеет животом и смертью», но, совершенно отправляясь, зашел к нему в питейный дом проститься. Брат это время спал. При прощании он мне поклонился в ноги, но я не допустил его до земли, и потом дал мне на дорогу рубль серебром. Проходя у перевоза, зашел в питейный дом, в котором застал Михаила Смольянинова и ему поднес 1/300 вина. И купивши тут калачей, отправился на пароход; дожидаясь парохода около часа, и в это время пили с женою и с сыном Иваном кислые щи [24]: покупали у муромского мещанина Филата Васильева. В 3-ем часу по полудни прибыл из города Елатьмы пароход «Нимфа» [25] (Самолетской компании). На нем были Константин Иванович Захаров, лоцман Яков и муромский мещанин Терентий Терентьев Стулов.

В 3 часа пополудни отправились с муромским мещанином Иваном Михайловым Полуниным (он в это время был приказчиком у шурьев Тагуновых),

Л. 226об.

Васильем Петровым Сибиркиным (который отправлялся на ярмарку в половые [26], а, главное, играть на скрипке и прибаутничать), Владимиром Левотьевым Мошенцевым, который при мне же поступил в москательную лавку [27] к нижегородскому кушцу. В село

Павлово прибыли в 12 часу по полудни и простояли до 4 часа утра 11 числа. И потом отправились далее. (За место на теплоходе заплатил 2 рубля серебром. Хотя можно было и по записке шурина Лев. Ерм., но от гордости не хотел просить записку).

11 числа. В часу 11 утра прибыли в Нижний Новгород. Полагая, что меня худо примет шурина Павел Ермолаевич Тагунов, да к тому же не хотел ему кланяться, по сему остановился в Кунавине [28], недалеко от железной дороги, у дворника (из отставных солдат) Ивана Михайлова Сорокина, по 5 копеек серебром в сутки за одно прибежище. От квартиры шурина П. Е. версты 4 или далее.

Ходил по Нижнему и ярмарке, разыскивая места и знакомых. Нашел 2-х знакомых, бывши сидельцами, краснослободские мещане – два брата Семен Игнатъев и Федор Игнатъев Алышевы. Первый держал трактирное заведение недалеко от Острога вблизи Варваровского питейного дома, у которого был 2 раза: то его не было, то спал, а попавшись на планкотном [29] мосту, поговорил со мною очень сухо. О знакомых моих ничего не знал, только сказал, будто бы как в Горбатове помер мой знакомый кадомский мещанин Дмитрий Семенов Шемякин. Итак, поговоривши, расстались с ним сухо. Второй держал белую харчевню вблизи церкви преподобного Тихона (бывший Щелчковский питейный дом), который прекрасно угостил нас с Николаем Васильевым Басыгиным; поговорили ласково, но о знакомых моих тоже мало знал. Еще встретился со мною знакомый из нижегородских жителей Иван Степанов (фамилии не помню). В 1859 году был поверенным, и уволен был прежде меня, которого я неоднократно угощал. Етать человек так со мною сухо обошелся, что не удостоил вниманием со мною и поговорить.

15 числа. Просился на водочный завод Дашкевича в рабочие, но, как водочного мастера не было, а был помощник его (который будто бы со мною служил в 1859 году поверенным по Нижнему в делах Дашкевича), и он мне отказал, что рабочих не нужно. Да к тому же сказал, что на заводе смотрителем Михаил Иванов

Л. 227

Ястрибов (который и был в деле Дашкевича в Саратове подвальным). И я этих знакомых посовестился настаивать, чтобы приняли меня в рабочие.

К вечеру сего же дня просился в служащие в склад Котова (краснослободского). Управляющий его обещался на 15 рублей серебром в месяц (на моем содержании) принять на службу и приказал на другой день в 10 часов вечера приходить. Пришел на другой день в 10 часов вечера: управляющий мне отказал, потому что нанял дешевле.

16 число. Как опоздавши в склад (а этот склад от квартиры шурина П. Е. недалеко, а от моей квартиры более 4-х верст), а посему вздумал ночевать у шурина П. Е. (а 15-го я по приглашению его у него обедал, в 5-й день моего пребывания в Нижнем, я 1-й раз с шурином виделся я за обедом). Шурина пришел 14 часов, уже разсветавши, и, увидев меня, принял хладнокровно. Этого же числа по приглашению Ивана Михайлова Полунина (я вздумал опять у него ночевать, а более заставили обстоятельства, то есть хорошенько покушать). 18-го Павел Ермолаевич пришел часу в 3-ем утра, увидавши меня на полу лежавшего – выразился словами довольно ясно: «Опять ночевальщик здесь». Но потом, будто конфузясь и извиняясь, что задержался, и спал у муромского Николая Прокофьева Зворыкина в квартире. Но квартира Зворыкина от его очень в близком расстоянии.

18 числа. Просился в одну выставку в подносчики, но мне отказали, что не нужно. Еще намеривался проситься в подносчики при самокатах на выставку, которая была уже выстроена и прибита вывеска, но... <неразб.> не была, и несколько раз подходил, хозяина не заставал. Следственно, поэтому не просился.

До прибытия моего в Нижний дней за 5-ть немного болел. Был в Нижнем наследник Николай Александрович и жил двое суток. Но я застал и видел в крепости на горе недалеко от каланчи и прежней телегорессорной конторы приготовленный был ему фейерверк или иллюминация в виде триумфальных ворот. И, как видно, в них были стаканчики, которые я уже не застал. Но иллюминация эта не удалась по случаю погоды и ветра. Тоже была приготовлена около памятника Минина и князя Пожарского – поставлены были 4 стола аршин по 5-ти и выбелены, и из разных трав и частично цветов были сделаны гирлянды в виде веревок, и ими обвит памятник и столпы таким манером.

Это мне понравилось.

Л. 227об.

Еще мне говорил Павел Ермолаевич, что Наследнику поднесли обществом нижегородским живого осетра, примерно полагая по мерею аршина 2, а по весу более 3-х пудов. Его Высочество, принявши, приказал сделать «серебристыя серьги с вырезкою в них года, месяца и числа и его Величества титул». И эти серьги приказал подвесить к осетру и пустить в Волгу. И так, в виду его Высочества и многих зрителей пустили осетра в Волгу.

19-го числа. Еще пробывши в Нижнем, поджидая и присматривая для себя должности, но как видя застенчивость моя, нерадения и какая глупая гордость отвращала меня от малоценных и низких должностей. (О! Глупая животная! Ты кто! Мещанин! Не болен! Да к тому же пьяный, неученый, к тому же не смелый, и не лишен дара доступчивости и красноречия! Так мне говорила моя совесть). Что я не могу приискать должности: да к тому же денежные обстоятельства совершенно меня вынуждали обратно ехать в Муром.

20-го числа. Решился ехать в Муром. Вставши часу в 6 утра, отправился к Павлу Ермолаевичу на квартиру. Подходя к планкотному мосту, но мост еще был не сведен [30], подождал с полчаса, свели и мост.

К Павлу Ермолаевичу пришел на квартиру часу в 7-м утра. У него на квартире был судогодский купец Демид Львович Голубев (его компаньон по шкивному пароходу «Одесса»). Голубев в это время еще спал, вставши в 8-м часов утра, со мною поздоровавшись, Павел Ермолаевич приказал подать самовар и мы с Голубевым стали пить чай. Павел же Ермолаевич не пил, отзываясь, что не может рано пить, и поэтому он всегда любит пить чай в трактире (там слаще). В это время приходит какой-то человек (будто бы машинист), платье на нем было бедное, и просит у Павла Ермолаевича (будто бы он обещал) 50 рублей серебром денег (как он снял нижнюю выставку, так на покупку вина) и как нарочно будто бы перед Павлом Ермолаевичем на столе лежало денег рублей до 200 серебром. И он, начально отговариваясь, что денег теперь нет, но сметив, что этот человек видит на столе деньги, начинает отговариваться, что это деньги не его, но Голубева, но все-таки не отговорился, дал этому человеку 25 рублей серебром. Когда он вышел из комнаты, то Павел Ермолаевич высказал, что эти деньги, кажется, пропали. По выходе этого человека мы с Голубевым пили чай, которому я объяснял,

Л. 228

что не могу в Нижнем приискать себе места, и обстоятельства денежные заставляют отправляться обратно в Муром. Голубев тут принимает за меня ходотайствовать перед Павлом Ермолаевичем, просит его, чтобы он помог мне снять питейную выставку на ярмарке. И Голубев несколько раз намекал и просил, но Павел Ермолаевич только отделялся молчанием.

Рассмотревши я, что Павел Ермолаевич не имеет намерения мне ничем помочь, решился просить у него записку на пароход на проезд до Мурома, да еще на содержание рубль серебром, в которых не отказал, но денег дал, как видно было, с большим неудовольствием. Хотя я не хотел просить и кланяться, но нужда! Ох, ты, нужда! Заставила изменить обещание и переломить гордость и повиноваться обстоятельствам.

Получивши записку и деньги, отправились с Иваном Михайловичем Полуниным (который пошел меня провожать). Зашли на мосту в лавку, Полунин купил (для маленького сына) курточку и пояс «для пересылки со мною в Муром». При прощании с Полуниным, у коего я напросился, чтобы он меня угостил красным вином, отчего он и не отказал. И мы зашли в трактир Горинова на ярмарке, в коем выпили бутылку красного вина. Да еще нас угостил пирогами вязниковского уезда крестьянин, молодой человек высокого роста, имя мне не известно, который взялся вести баржу с солью от Павла Ермолаевича до Вязников. Вышедши из трактира, мы с Полуниным распрощались. Я отправился на квартиру в Кунавино, разделавшись на квартире и заплативши за 9 дней 45 копеек серебром, забравши свой багаж, отправился на пароход, но на квартире забыл платочек беленький в 5 копеек серебром и в нем чаю золотника [31] 3 и сахару 10 золотников.

Потом отправился на пароход, который пришел часу в 12-м утра, но Павел Ермолаевич находился уже на пароходе и в буфете пьянствовали с Демидом Львовым Голубевым, с муромским Михаилом Прокофьевым Мяздриковым, и с женою Мяздрикова, и еще какой-то с ним был человек. Как уже было около часа пополудни, капитан начал их высылать из

буфета, но они, разгулявшись, не слушались. Он приказал пароход пошевелить и высказал им просьбу, что отправится с ними в Муром, тогда они выскочили из буфета и стали уходить с парохода. Уходя, Павел Ермолаевич

Л. 228об.

уже бывши довольно пьян, начал прощаться с Демидом Львовым Голубевым, с женою Мяздрикова, которая тоже отправлялась в Муром, и с капитаном, и с прочими ему знакомыми, и я тоже, подошедши к нему намеревался с ним проститься, но он не обратил на меня никакого внимания, и прыжком перескочил на конторку, то есть на пристань. Это мне так было больно и досадно, что я за это на него соврал, что он пьяный будто бы сказал, что знайся лапоть с лаптем, а сапог с сапогом. Это было соврано за то, что он не попрощался: то можно положить – или поторопился, или посовестился, что бывши пьян, а может быть, как он всегда на меня сердит, так и поэтому не простился.

В Нижнем у Павла Ермолаевича я в два раза забрал 2 рубля серебром денег, обедал и ужинал 10 раз, чай пил 8 раз, и заплатил за меня на пароходе. Всего у него забрало в этот раз 7 рублей 30 копеек серебром.

Из Нижнего отправились в час пополудни на пароходе компании «Самолет» «Нимфа» с капитаном Иваном Захаровым и лоцманами Яковом и Наумом Петровым. Наум Петров поступил вместо муромского мещанина Терентия Терентьева Стулова, который был уволен за то, что, напившись пьяным, не мог быть лоцманом при пароходе «Поспешном» [32], на котором Наследник бегал из Нижнего в Павлово и обратно. И за это лишился места и награды – часов, хотя его Павел Ермолаевич и удерживал, и дал ему сбежать 5 рейсов от Нижнего до Елатьмы и обратно, но все-таки не мог удержать, да еще за удержку Стулова получил от директора замечания. И с пассажирами, с Демидом Львовым Голубевым и женою Михайлы Прокофьева Мяздрикова, и 8-ю человеками – канатчиками балахонскими, которые были посланы Павлом Ермолаевичем на работу в Муром. В часу 12-ом по-полудни прибыли в село Павлово, а в 4 часа утра 21-го отправились из Павлова, а в 12-ом часу утра прибыли в Муром.

22 числа. Привезли в Муром лоцмана с парохода «Нерейда» муромского мещанина брата Филата Васильева, а зятя дяди Константина Григорьева Висилькина, мертвого, который около Чуди [33] помер, и тут был причащен, но в Муроме похоронен. Я же, когда отправлялся из Нижнего, видел его в Нижнем на конторке нездорового, но не замечено было, что он должен так скоро умереть.

Л. 229.

25-го числа. Вечером выпил стакан вина я от крестьянина Александра. И так до этого числа я не пил 16 дней, то есть с 10-го по 25-е. И так с этого числа положил пить до случая умеренно и случайно, или сказать, что если будет представляться случай напиться. Но как только можно – избегать напиваться на свои деньги или под заклад вещей. Но вино свое таки брало, напившись на чужое, и своего хватало: и на деньги, и закладывал вещи. Но все-таки было изначально с расчетом.

26 числа. У тещи Тагуновой на поминках по тестю, этого числа покойный тесть бывал именинник, напился порядочно пьян. И к этим поминкам были приглашены брат и сноха Исавна. Последние числа этого месяца не переставал пить, если приводил к тому случай.

Августа 1-го числа. После крестного хода пригласил зятя Ковалева чай пить в дом к себе, но прежде с ним зашли в кабак к Григорью Усову и выпили по шкалику вина на его деньги, потом пришли к нам в дом. Напившись чаю, и прекрасно закусили, и попили от Владимира брата вина. При этом обеде была и сестра Елена, но сестра пошла прямо к брату, со мной не поздоровавшись и не поздравивши меня с праздником. Но я, взошедши в дом, поздоровался. Но это я причитаю к ее недоразумению.

6-го числа. Был в крестном ходу (из Собора [34] к Спасу [35]), у Спаса слушал литургию, которую служил архимандрит Амвросий [36], и по окончании литургии сказывал архимандрит проповедь очень долгую, сказывал порядочно, но текст слова мне не понравился. Вышедши по окончании литургии, зашел в Спасский питейный дом (в котором сидел брат мне двоюродный Иван Митрофанов Парин), с целью, не поднесет ли мне Парин вина рюмочку. У него в чулане кипел самовар, и пили чай жена его и Анна Ивановна

Дьяконова. Меня Парин не попотчевал ни вином, ни чаем, даже едва мог выпросить и порожней трубки. Так мне это показалось обидно, но делать было нечего. От него зашел к Алексею Васильеву Стулову (тогда у него в доме был кабак). Стулов меня прекрасно принял и поднес целый шкалик вина. От Стулова я отправился к зятю Ковалеву, у него пообедал и попили винца. От зятя отправился к дяде Родиону Бибину, но, как был гораздо выпивши, у него вина не пил. Но тут ко мне пристал сын Бибина Иван Родивонов, чтоб я шел с ним. Пришедши к нему на квартиру, не застали его жены, да еще пристал к нам его товарищ

Л. 229об.

мне неизвестный ни по имени, ни по фамилии. И так мы все трое, по приглашению Ивана Бибина, отправились у него на квартире в баню. И тут ухитрялись друг у друга выманить на вино денег или под заклад вещи, но больше ухитрялись у меня выманить. Но как не могли друг друга обмануть, то Бибин стал просить идти к свату, к Андрею Федорову (к трохмальному [37] мастеру от Зворыкиных, свекру сестры Бибина Елены). Подошедши к трахмальному заводу, сват нам попался, выходя с завода у ворот, к которому Бибин приставал и намекал, чтоб от него воспользоваться выпивкою, но он от этого отклонился разными предложениями. И так мы остались, не удовлетворивши своего желания.

Выпил довольно в этот день, и к вечеру был довольно пьян. Пришел мне на память рассказ сестры Елены, как брат Владимир был на именинах у зятя Ковалева 15 июля «и у него просил цыгарку племянник зятя Василий Иванов Суздальцев» (в это время у зятя был в работниках). Брат же, не давая ему цыгарки, но как Суздальцев приставал, то брат за цыгарку выпросил с него 2 копейки серебром, который и дал ему, а Суздальцев, получив цыгарку, закурил. И я пьяный укорял его за его алчность и недоброхотство, за что он на меня сердился и высказал моей жене, что он с Суздальцева взял 2 копейки серебром не за цыгарку, а долг получил за вино.

И до 9-го я не переставал пить вино в малом и большом объеме, где на деньги, под заклад, и подбирал случаи, к кому бы приласкаться и тем добыть бы от того вина.

В последних ли июля или в первых августа числах (что-та запомывал), был приглашен в понятия «в число 20 человек», а именно находились: Григорий Усов, Василий Петрович Пучков, пешник [38] покровской, Иван Иванович Усов (младший), Гуцин, трое служак Троицкого монастыря и один Благовещенского, Зотиков, Александр Степанов (шурин моего крестного по первой жене), Гаврила и Иван Абросимовы, а о прочих не припомню. Был спрос под присягою (которую давали

Л. 230

в церкви Николая Чудотворца Зарядного [39] священнику Антонию) о поведении Фадея Пехова, сына Ивана Александрова, о котором подписались с одобрением. И еще о многих кое-что спрашивали, в том числе, и о двоюродной сестре Анны Верлионовой Пеховой, коих одобрили, а о коих отнесли незнанием. В числе этих спросили об Иване Егорове Мягкове (Криворотом), который портной и целовальник [40], был в это время на задах нашего дома в Пролетной улице. Об Мягкове отнесли, что он очень негодного поведения, особенно кричали Григорий Усов покровской и Пучков. И об нем написан обыск очень дурной, с тем, чтобы его не иметь в обществе. И как уже был час первый за полудни, да и день был воскресный, то подписались только к одному обыску, о Фадееве, а о прочих отложили, когда приготовят обыски, и подписываться, кто когда вздумает или улучит удобное время.

9-го числа. В пятницу был выпивши, и меня увлекла молиться Богу теща Наталья Степановна в Давыдово и Дедово [41], а с ней находились Левонтия Ермолаевича дочь Надежда, Павла Ермолаевича дочь Александра, Прасковья Лаврентьевна Червякова (теща Ивана Михайлова Полунина), Марья Лаврентьевна Вязниковцева, Наталья Васильевна Пехова и последней свекровь, и сестра Авдотья Михайловна и Анна Васильева. Отправились мы из Мурома во 2-ом часу по полудни. За Окой я с тещей выпил 1/2 шкалика винца. Пришли мы в деревню Петряево (отошедши от Мурома верст 18), где ночевали в кабаке. Тут напились чаю, а я еще выпил шкалик вина. В этой квартире спальня была полна блох, что редко можно столько иметь, и по сему мы эту ночь мало спали, а женщины то и дело скидывали рубахи, с себя вытряхали.

10-го вышли из Петряева в 4 часа утра, пришли в Давыдово в 6-м часу пополудни (прошедши верст 30). Уже в Давыдове благовестили [42] ко всенощне [43], и мы простояли всенощну. Выпросились в монастырь ночевать,

Л. 230об.

и нам дозволили ночевать в гостинице, в коей находилась прислужница Авдотья Тимофеевна (жительница Владимирского уезда), у коей мы выпросили самовара, и она нам изготовила самовар. И, напившись мы чаю, закусили поставленными на стол (от служительницы) хлеба, соли, квасу и вареных грибов и брусники. Служительницу эту просили чаем, но она не пила, но как мы усилились просить, то она выразилась, что не приказано настоятельницей от прошений отказываться, и выпила (выпивши простой воды из самовара) без сахара. Но в это время пришел солдат довольно бравой (который служит при монастыре). Служительница, напросившись на чай у нас, ему поднесла три чашки чаю. Служительница эта была лет 40 и собой недурна, и довольно здоровая. Да у нас было довольно своего хлеба и калачей. Закусивши хорошенько, мне отвели место спать в сарае на сено, а последние мои богомолки остались спать в комнате.

11-го числа. Ето было воскресенье. Встали в 5-м часу утра, и как уже благовестили к заутрене [44] в селе Давыдове (а от монастыря до Давыдова с пол-версты). И мы отправились в Давыдово к заутрене, простояли заутреню, а после заутрени для нас служили молебен с водосвятием Спасителю, Божей Матери «Утоли моя Печали». В Давыдове такое явление Божей Матери иконы чудотворной, находится в иконостасе по левую сторону со входу, загораживая левый клирос. И Николаю Чудотворцу. Отслуживши, отправились в Девичий монастырь.

Пришли уже Девичий монастырь. Этот Девичий монастырь, как по слухам, заведен назад тому лет 20 давыдовской крестьянской дочерью, старой девицей Ненилою Борисовою, которая разными сборами завела маленькую общину и собрала несколько сестер, и сделала некоторое устройство

Л. 231

по хозяйственной части. Впоследствии, по каким-то замечаниям (или как Нижегородское духовное управление), вздумало устроить девическую общину и прислало настоятельницу из дворянок, которая повела строго, всех сестер остригла в кружало ровно с шеей. Или, может быть, поэтому Нениле не понравилось, да и настоятельница с ней поссорилась (и ныне Ненила Борисовна находится будто бы где-то в Гороховецком уезде в лесу, завела опять такую же общину, и слух об ней носится для нее не так, как это выгодно). Ныне в монастыре настоятельница та же (имя ей Вера), сестер до 50-ти, и все не пострижены, одна только есть пострижена, и та переведена из какого-то монастыря, и сама настоятельница не пострижена (то есть в монахини). Священник один без причта, и тот по найму, за жалованье от общины. Поют по нотна 9 девушек очень хорошо.

В монастыре все строения деревянные и, как видно, еще все не так давно строены. Но и заведена каменная церковь, выкладена сажени 3 в высоту, и припасено еще много кирпича. Этот год не строились по неимению денег, вид церкви креста. Земли пахотной и луговой до 50-ти десятин [44] (все дарственная некоторыми господами), обрабатывается этого монастыря сестрами, и частично есть мужчины наемные. Монастырь обнесен деревянной оградой, служба производится в доме в двухэтажном, в коем вверху устроена церковь, а внизу живет настоятельница. Священник живет позади ограды нарочно для него в устроенном деревянном доме, и позади же ограды и гостиница для прибывания приходящих молиться. И за оградой есть порядочный пруд.

Обедня [46] началась, и уже читали Евангелие. Отслушали мы обедню, и по окончании обедни заказали мы

Л. 231об.

молебен (без водосвятия) Спасителю, Божей Матери, именуемой «Утоли моя Печали». Эта икона списана с чудотворной, с той, которая находится в селе Давыдове в церкви. А стоит она со входу на левой стороне, загораживая левый клирос. И Николаю Чудотворцу. По отслужении молебна отправились в гостиницу, где нам подали постных щей и вареных

грибов, и закусили, и отправились в путь. (Давыдово – Нижегородской губернии Горбатовского уезду, в нем 1 священник и 1 дьячек).

Мы вышли в 12-м часу из Давыдовского Девичьего монастыря. Пройдя 5 верст, зашли в караулку (леса муромского купца Гаврилы Никитича Киселева, бывшего откупщика [47], у него тут лесу 1050 десятин). Да в версте от этой караулки строит он винокурный завод, в котором в виде приказчика находится муромской мещанин Михаил Павлов Дьячков. Хоша самого его не было, но жена его для нас поставила самовар, и мы, своим чаем напившись, очень с приятностью отправились в путь.

В Дедово мы пришли в 8-ом часу пополудни и остановились у дедовского дьячка. Чаю не пили и закусывали воды с хлебом, потом легли спать. Мне отвели место в прихожей на кровати, а прочим в комнате на полу.

12-го числа. Вставши в 5-ом часу утра, послали дьячка разбудить священника, который с час не вставал. Вставши, отпер церковь, и мы без обедни заказали молебен с водосвятием Спасителю (в церкви этой находится икона Нерукотворного образа Спасителя чудотворная [48], но в бедном окладе). Будто бы на ризу уже собрано до 1500 рублей ассигнациями. Икона эта стоит в холодной церкви. Один престол да два в теплой со входу на правой стороне, первый у царских врат. К нему много ходят поклоняться, особенно из Мурома: празднества свершаются августа 16 числа. Причт состоит из одного священника и одного дьячка, приход 300 душ крестьян, очень бедный. Божей Матери и Николаю Чудотворцу отслуживши молебен, отправились в путь.

Из Дедова вышли в 6-м часу утра. В 8-м часу утра пришли в село Поздняково (пройдя 6 верст). Зашли к знакомым крестьянам моей тещи, которой крестьянки пасынки служили у моих шурьев. Крестьянка оная нас прекрасно покормила малосольными огурцами и брусникой, и мы, закусивши, отправились в путь.

Л. 232

В течении 3-х дней нашего путешествия чаем поила больше моя теща и частично Наталья Васильевна Пехова. Так же и за квартиру моя теща больше отдавала, и я также от нее пользовался.

В Муром пришли к перевозу в 1-м часу пополудни, но как мало было на той стороне паромов и народа, мы принуждены были больше получаса дожидаться перевоза. И во время нашего поджидания я взошел в кабак, в котором находился дядя мой Иван Яковлевич Сверлов, да еще находились тут двое мастеров, работающих у моих шурьев баржу, уже были довольно выпивши. Узнавши обо мне, кто я таков, взяли вина и поднесли мне два стаканчика, так около 100, за которые я поблагодарил. И отправились на муромскую сторону. В дом я пришел во 2-м часу пополудни.

В 6-м часу по полудни я отправился в лагерь посмотреть. Тут встретился с Василием Григорьевичем Фигуровским, который меня позвал выпить винца, и мы отправились из лагеря, зашли в Беседский пивной дом и выпили с ним косушку [49] вина. Потом отправились к Николо-Набережному на камешки, где посидели, вздумали еще винца выпить. Пошли к перевозу, да на дороге встретили Андрея Федорова, трахмального мастера, и оного позвали с собой. И в кабаке, от Гогина, попили винца, с Фигуровского две косушки, а с мастера одну косушку. И так я напился очень пьян, отправился домой. Пришедши домой, за ужином начал намеками ругать невестку Исавну, выражаясь и намекая, что она лакейка. И намекая о брате ее, Василье Исаеве, что я не обокрал кассира, и тому подобные слова, относительно как произносил.

13-го числа. Поутру за чаем жена моя вздумала меня спросить, о каком я кассире с вечера толковал (этот спрос был при невестке). Но мне кажется, жена моя довольно слыхала об этом происшествии (это такого роду дела: слово «лакейщица», у снохи родители были из дворовых людей). А слово «обокрали кассира» – был слух про Василья Исаева, когда он служил в откупе Киселева Гаврилы Никитича рабочим в подвале. И будто бы в какое-то место Василий ходил с кассиром, и у этого кассира пропало сколько-то денег, и эти деньги не у Василья Исаева, что по последствиям можно и полагать, что Василий

Л. 232 об.

Исаев впоследствии выстроил дом и женился, но жалованья более не получал от 6 рублей до 10 рублей серебром. Но мне женино воспоминание о вечернем дебоширстве моем очень не понравилось, и я это положил, что она со злости напомнила. Но когда я стал жену ругать, она выбожилась, что не поняла назначения этих слов.

14-го числа. Брат Владимир попросил меня остаться в кабаке. А сам, по приказанию хозяина, пошел сменять сидельчиху. Я, оставшись в кабаке без него, купил на 2 копейки серебра икры и выпил 1/100 вина, да поднес шкалик вина Василию Григорьеву Фигуровскому. Всего сделал брату расхода на 12 копеек серебром, следовательно, затаил на 10 копеек серебром.

15-го числа. Был в крестном ходу из Собора к Успению [50] и там слушал литургию. После литургии сказывал проповедь молодой священник Успенской, который только еще на службе не более 2-х месяцев. Проповедь была не длинна и порядочна. Вышедши из церкви, попался мне свояк Андрей Иванов Калинин, который меня зазвал в гости, и у него в гостях была жены моей и его тетка Авдотья Степановна Полунина. Напившись у него чаю и выпивши рюмочек с 5 винца, отправился домой. Придя домой, застал – начали только обедать. И я сел обедать, и за обедом от брата выпил две рюмки вина. А к вечеру зашел в кабак к Александру Дмитриеву Дьякову, от него выпил шкалика полтора, да взял у него косушку в долг. И так ушел к ужину в дом, пришел довольно пьяный.

16-го числа. Был у ранней обедни в соборе. Вышедши из собора, вздумал зайти к брату в кабак с намерением попить чайку или винца, то есть бывши с похмелья. Чаю брат в это время не пил «по какому-то обещанию», а винца поднесли полшкалика. И при этом поднес, нахмурившись, наговорил мне с разными увещеваниями, примерами и поучениями разных упрекательных слов. Хотя мне было очень трудно терпеть, но, зная его ханженство и скупость, промолчал. Ох, пьянство! Ох, бедность! Ох, обстоятельства! Вы заставляете всему повиноваться.

18-го числа. У щекотуров [51] (которые стояли у нас в доме у дворника Зиновья, они были Елатмановского уезда), или в ихай деревни бывает праздник сего числа, и они этот день гуляли, пили вино. И я от них довольно попил. А часу в 6-м пополудни были у брата гости, шуриин его Василий

Л. 233

Исаев и жена его, и жена брата его, жена шурина, Григорьева Исаева, тетка снохи нашей Исавны, сестра наша Елена Ивановна и тетка Агаповна Сверлова. Последняя уходила ко мне для совета, у кого просить ей на свата своего (на свекра дочери ея Марьи Верлиановны), что он у ей, взявши самовар только взогреть, а потом не отдает. И я при них чаю напился и винца рюмочки две выпил, а потом после еще у щекотуров выпил стаканчик. А вечером, уже ночью, поднес в кабаке Ивана Егорова Мягкова Криворотого шкалик Михайла Федоров Смольянинов. И так был довольно выпивши в этот день.

19-го числа. Поутру встал в 6-м часу утра, услышавши, что дворник Зиновий заставляет свою жену самовар ставить, и та отказывается, что чаю нет, я напросился, чтоб взяли у меня чаю взаем. И дав им чаю и сахару, и напился с ними, и от щекотуров Семена и Павла выпил шкалика полтора вина.

21-го числа. Ходил в Думу для выправки свидетельства (на сына Ивана в училище, по требованию смотрителя). Но, как не заставши в Думе Головы и вспомня, что брат дома, а в кабаке (недалеко от Думы) один сын мой Константин, пошел в кабак. Вздумал обмануть сына, послал его к Думе, посмотреть, нет ли лошади Головиной Думы. А когда он бегал, я в это время успел украдкой выпить полшкалика вина. **Ох, пьянство! Ох, слабость! До подлости доводит. Боже, храни от пьянства, и что б никакого вина не пить, ни простого, ни виноградного, а только пить домашнюю брагу и мед. Или очень умеренно пить вино.**

26-го числа. Бывши у тещи Натальи Степановны на именинах, напился очень пьян, пошел на реку купаться. Встретившись с солдатом Тарутинского полка [52] (из евреев), которого называли жидом, но их было троя, и они стали меня ругать, когда я стал раздеваться, и оставалась на мне рубашка и подштанники. Тогда они в меня стали кидать камнями, я же, обратясь, побежал за ними, сам стал в них тоже кидать камнями.

Но солдаты попали в голову и у левой ноги в мизинец. Голову прошибли в кровь, и из головы вытекло довольно крови на рубашку и лицо. Я, оставивши на плоту сертук, жилетку, косынку и сапоги, сам же отправился домой в рубашке и подштанниках (это происходило на беседке) [53]. С беседки пошел по берегу Оки и мимо церкви Николы-Набережного и Троицкой улицей. И в таком положении (рубашка в крови и лицо также) пришел домой. Домашние же увидавши, что на мне нет столько платья, и где оно осталось, и посему сестра Прасковья отправилась

Л. 233об.

жаловаться. Но как было уже поздно, час 11-й пополудни, да солдаты, видя меня пьяного, не приняли от меня жалобу, а выгнали вон из Трубной. Я же не пошел из Трубной, но лег на полицейском дворе. Солдаты, узнавши, что я валяюсь на полицейском дворе, затащили меня в арестантскую камору и бросили меня на пол с валявшимися тут двумя солдатами. Я, проспавшись, и в заутрени стал просить старшего полицейского солдата, чтоб меня выпустил, но он на это не согласился. И я должен был еще сидеть.

9-го числа. В 7-м часу утра пришел в Трубну сын мой Константин, и я приказал ему, чтоб он принес мне кафтан и картуз (потому что я пришел в Трубну без кафтана, а сертук, валявшись на полу, очень извалял). Но Константин не принес, или мать не велела, или меня не послушался. В 9-м часу утра прибыл частный пристав [54], разбирая дела арестантов, находит меня невинным, только что пьяным, пожурил, велел выпустить. Когда же я стал объяснять ему жалобу на Зиновья, он приказал мне на него подать просьбу. Но когда я отказался подавать просьбу, но только просил частного, чтоб приказал он съехать Зиновья из нашего дому, что он и обещал.

После частного я еще оставался в Трубной, поджидая кафтана и картуза. Потом пришла жена в 11-м часу утра и принесла мне кафтан и картуз. И я тут же с нею отправился домой. Выпивши вина, лег спать.

10-го числа. Зиновью за обедом объявляю, чтоб он немедленно сошел с квартиры, но он мне ответил с грубостью, что не сойдет до назначенного срока (ноября 1-го числа). Я, рассердившись на Зиновья, побежал в полицию на него жаловаться, чтоб он немедленно сошел с квартиры. Пришедши в полицию, не застал ни частного, ни квартальных (они были в крестном ходу, кругом города). И посему я отправился домой без всякого резона.

11 числа. В 11-м часу утра я пошел в полицию опять просить на Зиновья. Но зашел к брату за советом, он мне стал не советовать

Л. 235

ссылать Зиновья, а еще сделал темный намек, подходящий к угрозам. Но сам прежде за малые его проступки говорил раза три, что б он был сослан. Что меня очень рассердило, но, впрочем, выпивши у него шкалик вина, ушел от брата. Зашедши кое-куда и еще выпивши, пришел домой уже пьяной. Потом брат пришел обедать, и я стал с ним вместе обедать. Начал ему наговаривать разные колкости, потом выразился, если не сошлешь Зиньку, то не вынесу стыда, зарежусь (спаси, Господи, от сего слова). Тогда жена моя стала просить, чтоб Зинька был сослан, и брат обещал его сослать. К вечеру я еще напился: пришла теща Наталья Степановна, начала мне выговаривать, что я дерусь и стекла бью, а семейство страмлю. Потом еще выразилась, что не дам в обиду дочь. Я, рассердившись на это, сказал ей, если станешь более говорить, то выброшу в окно. Едва сказав эти слова, сам тут же вышел из комнаты, чувствуя, что напрасно обидел свою благодетельницу.

12, 13 и 14-го числа пьянствовал, мирясь с Зиновьем (который меня упросил, чтоб опять остаться на квартире, просивши у меня прощения) и кланявшись со своею женою мне в ноги. С него пил, с плотников, с щекотуров и с извозчиков, с Михаила Федорова Смольянинова, и на свои под заклад пил. Но прошли эти дни без происшествий.

15-го числа. М. Ф. Смольянинов вызвал меня в свой сад, у которого уже была бутылка вина, выпивши ее, к нам в сад явился села Покрова дьячок (который заказывал Смольянинову сапоги, но, как в это время он гулял, и сапоги не успел сшить). И посему Смольянинов принес ему бутылку вина, мы и ту выпили. И с какою я знатностью пил чужое вино, у бедняка, у сапожника, и который взял даже под заклад вещи. Так что забыл Воскресный день.

Л. 235об.

16-го числа. Тоже был выпивши.

17 числа. С утра напился пьян, а к вечеру зашел, не бив приглашенным, к постояльцу, к Александру Гаврилову, у которого в этот день была именинница сестра его Надежда. И я попал в самый бал, хотя не так добродушно, но все-таки попил чаю и вина рюмки три.

Бывши довольно пьяный, но знал, что в этот день именинница дочь шурина Левонтия Ермолаевича Надежда, отправился к ним в дом, где застал крестную жены моей (монахиню казначею Маргариту) и еще монахиню, учительницу Надежды. Взошедши в залу, и крестной повалился в ноги, прося у нее прощения, что я пьян. Впрочем, остался в зале, и попивши чаю и довольно водки, и напившись довольно уже пьяной, отправился домой, и в доме довольно побуянил.

С 18-го по 23-е числа. Некоторые дни был пьян, а некоторые был и трезвый. Но, Впрочем, в эти 7 дней происшествий замечательных не произошло.

25-го числа. В этот день была память родителю нашему (то есть этого числа помер). Брат Владимир вздумал сделать поминки. Мы отправились к Воскресению, к обедне, как-то: я, сестра Прасковья, невестка Исавна. И на могиле служили панихиду [55]. Когда кончили панихиду, тогда является брат на кладбище, сожалея, что панихиды не застал. Хотя и следовало бы еще отслужить панихиду, так как он в первый еще раз на этот день по истечению трех лет по смерти нашего родителя. Но, как он слушал литургию и служил панихиду в церкви Иоанна Предтеча, посему здесь не стал служить, то есть не привелось служить панихиды.

Л. 236

К обеду только была приглашена тетка Марфа Агаповна Сверлова, а с богадельни сестра Елена Ковалева и свекровь ее Наталья Андреевна пришли без приглашения или будто бы приглашали. За зятем Владимиром Ковалевым мы с сестрой Прасковьей посылали, не спросясь брата. Явился и зять к обеду. Но после брат узнал, что мы за зятем посылали, то он нам заметил, что напрасно посылали, что он ни за кем не посылал, а кто бы пришел, от обеда бы не отказал. Обед был скудный, но мы с зятем, попивши чайку, и довольно хорошо хлебнули водки. Мне хотелось позвать к обеду мою тещу Наталью Степановну Тагунову, об ней я брату намекал раза два, но он отделялся тем, что не слышит. А забыл, что он и с женою был у моей тещи на поминках два раза.

26 числа вечером постучался у окна Михаила Смольянинов, и, вызвавши меня, стал звать вино пить в кабак к Ивану Егорову, к Криворотому. Явившись в кабак, мы выпивши полштофа, да другой взяли с собой, который пили у меня в доме внизу, и я напился до зла. Но Смольянинов, который после еще из дому своего ушел в трактир и заложил чуйку [56] в 3 рубля серебром, то есть пропил. Я же проводил Смольянинова до его дому, а сам пришел в свой дом, довольно пошумевши, лег спать.

27 и 28 числа. Хоша вино и пил, но замечательного ничего не случилось.

29-го числа. Это было Воскресенье. После обедни заходит ко мне в дом Семен Иванов Суздальцев, уже довольно пьян, вызывает меня пить вино, и я пошел

Л. 236об.

с ним в кабак к Ивану Семенову Неустроеву. Выпивши троя косушку, Суздальцев сделался уже довольно пьян, и его насилу довели до квартиры. Он в это время стоял у Воскресенья.

Этого же числа выпил вина от плотников, потом от Александра Дмитриева Дьяконова. Часу в 4-м пополудни вздумал отправиться на ту сторону реки Оки на поделку судов (шурьев моих). Взял на дорогу 10 копеек серебром. На поделки были шурья, Павел Ермолаевич и Иван Ермолаевич и свояк Андрей Иванович Калинин. С Иваном Ермолаевичем виделся я в кузнице, а Павел Ермолаевич видел меня, стоявши у реки, противу капистонного пароходу [57] «Одесса», в это время его разламывали, потому что не пришел он в затон, от меня в сажнях 30-ти. Калинина я лично не видел, а шурья ни тот, ни другой меня не пригласили, хотя моя и цель была воспользоваться ихней лаской и угощением. Но я и был еще не очень пьян. Но где нет расположения к любви, там уже нет и добродушия. Увидевши у перевоза дядю Ивана Яковлевича Сверлова (который в это время был перевозчиком), у него я напрашивался, что б поднес он мне полшкалика, а он отказался (за неимением денег). И так

я гривенник пропивши за рекой и на муромской стороне, да еще выпросил полтора шкалика в кабаке Гогинова Ивана Степанова (бывши портным). Это вино выпили пополам с Михаилом Родионовым Бибиным (который мне брат двоюродный), и так отправился домой.

Л. 237

На берегу у Николы Набережного встретился со мною Михаил Федоров Смольянинов, начал просить меня, чтоб я шел вино пить в кабак, к Ивану Егорову Криворотову. Пришедши, попивши довольно вина и сделавшись очень пьяны, пошли домой с условием, чтоб ни которому никуда не уходить. Но, дошедши до дому, Смольянинов мне сказал, что уйдет, и, бросившись к себе во двор, ушел через угород [58] свой. Я же, бросившись за ним, побежал кругом по Мытной улице [59], где меня окликала какая-то вольная девка [60] (бывший в это время на карауле за Криворотого, а было в это время часов 10 пополудни). Кто идет! Я же на оклик ее отозвался, что идет черт. Эта девка меня схватила и стала ругаться, я же, схватя ее, что-то изорвал. Она закричала «караул», и на этот крик выбежал довольно здоровенный лакей, живший у Криворотого на квартире. Схватил меня, а я его, и я изорвал на нем рубашку. Он же, схватив меня, так ударил об землю, что мне отшиб у заднего прохода кость. От чего и по сие время, а может быть, и навсегда, чувствую и буду чувствовать сильную боль. Вот что значит пьянство. От такой боли я закричал «караул», на этот крик выскочил Василий Петрович Пучков с сыном Николаем, потому что это случилось противу его дома, которые меня отняли от больших побоев. А Криворотого и лакея гораздо поругали. В это время находился старший полицейский Антон Николаев и проходили мимо Михаила Федоров Смольянинов, и Николай Николаев Постнов. Никто не мог защитить меня, кроме Пучковых. А последние двое даже не остановились. Я же, вырвавшись, ушел домой, кругом, через площадь.

30-го числа. По утру отправился похмеляться опять к Криворотому. Тут, увидевши меня, эта девка стала выговаривать и стращать меня, что будет перечить, но прошло безо всяких последствий.

Л. 237об.

Октября 1-го числа. Брат к обеду все мое семейство пригласил и за обедом стал мне подносить рюмку вина, и, видя меня, что я не выпивши, с насмешкой и осуждением мне сказал, что, зная, мне не выпало случая выпить винца. Потом, подстрекая меня, моя жена выразилась, что я поутру ходил вниз, к дворнице, давая тем понять брату, что я у нее пил вино. А к концу обеда еще поднес рюмку вина.

Вечером, отправившись к зятю в кузницу, но как не застал его, зашел в Спасский пивной дом, к Ивану Парину. И тут с него, с Алексея Васильева Стулова, и еще с какого-то человека, сошло с них по косушке, следовательно, выпили четверо три косушки. И отправился домой гораздо выпивши. Пришел домой часу в 11 пополудни, перед ужином захотелось еще выпить. Добывши 2 копейки серебром, отправился сыскать вина, но уже кабаки были заперты, но только трактир у Масленникова был не заперт. И я взошел в него и выпил на 2 копейки серебром, бывши одет налегке, в курточке.

С 2-го по 6-е числа. Несколько раз бывал выпивши, но более был трезвой, потому что не подходило случая, где напиться, а денег не было ни копейки. И в эти дни ничего важного не произошло. Только 5-го провожали щекотуров, до свету выпил – и весь день был пьян.

6 число. Это было воскресенье. Брат меня и мою жену пригласил к обеду и за обедом поднес две рюмки вина, опять с замечанием, что мне не пришлось еще выпить.

В 5-м часу пополудни на дороге встретился со свояком Иваном Егоровым Дихтяревым, который меня затащил в свой дом чай пить. Напился у него чаю, и вина выпил четыре рюмки. От него отправился к Александру Дмитриеву Дьяконову,

Л. 238

в кабак, и выпросил в долг шкалик, да от него выпил две рюмки. Потом приходит к Дьяконову Владимир Левонтьев Мошенцов, приносит с собой арбуз, и продал Дьяконову за 15 копеек серебром. Эти деньги мы трое пропили, часть у Дьяконова, а часть в другом кабаке, недалеко от почтовой конторы. И так я был очень пьян, пришел домой, довольно пошумел и изругал жену.

7-го числа. Во весь день не пил, но к вечеру встретился с Михаилом Смольяниновым, и выпили с ним косушку вина (моих 2 копейки серебром, а его 6 копеек серебром). Больше ничего не произошло.

8-го и 9-го числа. Вина не пил и занимался по домашней работе.

10, 11, 12 и 13 числа. Пьянствовали с Михаилом Федоровым Смольяниновым, часть с меня (в это время я заложил с себя куртку сидельцу Ивану Егорову Мягкову, Криворотому, так как был позади нашего дома в Полетной улице [61]). А больше пил с Смольянинова.

14 числа. В память покойной нашей матери (так как она в это число бывала именинница), и сего же числа были именинницы сестра Прасковья и племянница 3-х лет Прасковья – дочь брата Владимира. Брат Владимир вздумал помянуть родительницу и для двух именинниц собрал небольшой обед. На оный были приглашены дядя Родивон Николаев и тетка Марья Яковлевна Бибины, тетка Марфа Агаповна Сверлова, невестки снохи, то есть жены братьев ее, Анна Петровна (жена Григорья Исаича), Марфа Дмитриевна (жена Василья Исаича), сестра Елена Ковалева и двоюродная сестра Марья Ивановна Перлова (последняя была без приглашения, но как она крестница покойной матери, да и была на кладбище, с кладбища она и была приглашена). И мы порядочно закусили и довольно попили вина.

Л. 238об.

К вечеру пришла к невестке Исавне двоюродная сестра Татьяна Афанасьевна. Гости также после обеда оставались, кроме Бибиных и Сверловой. В промежуток обеда и вечернего чая ходили смотреть свадьбу, которую венчал у Николы Набережного священник крестовоздвиженской [62] Иаков. Василья Карповича Раканова третьего сына, невесту звали Прасковьей. По окончании венчания гости пришли, пили чай, а Афанасьевна пила чай и водку, и закусывала. И я также с ней пил водку. В 8-м часу пополудни пришел зять наш Владимир Иванов Ковалев, и немного погодя пришел его племянник Василий Иванов Суздальцев, который в это время был у него в кузнице работником. Зять порядочно закусил, и все трое хорошо попили водки. Сестре Прасковье для именин брат и зять подарили подарки, но от моего семейства она ничего не получила, хоша я старшему сыну Павлу дня за три намекал об ее именинах. Но он или не понял, или не хотел меня слушаться, или его мать не велела этого исполнить, или не смел у хозяев просить денег. Но, бывши на поздравленье, ничем ее не подарил. И я уже был довольно пьян, в доме лег спать, не учинивши никакого проишествия.

15 числа. Имел намерение поступить к шурьям Тагуновым в конторщики. Старший шурина Левонтий до этого недели за три просил через мою жену, что б я к ним поступил на службу. Да и сын Павел также приступал, что бы я шел служить. Но я, зная ихнее ко мне нерасположения, и особенно шурина Павла, и мне очень не хотелось идти служить к ним. И поэтому я старался их поводить, но нужда и обстоятельства переломили и заставили идти

Л. 239

к ним на службу. Пришедши к ним в лавку, не застал Левонтия, который в это время уехал в Окулово, и сына Павла. И я положил, что мне не дозволяет Бог служить у Тагуновых. И пошел пьянствовать. А к вечеру попался Михаил Смольянинов, с которого довольно попивши вина, также и своего. Ночью пришел домой довольно уже пьян. И обругал сноху Исавну, и свою жену, а ночью во сне обоссался, а вставши ночью, но как еще не проспавшись, ссал в передний угол, то есть под иконы. Вот пьянство, до чего доводит Человека!

16-го числа. Тоже весь день пропьянствовал со Смольяниновым и тоже пил от А.Д. Дьяконова. Ночью пришел домой, опять во сне обоссался и тоже вперед нассал. О, Боже, сохрани от пьянства, вот оно до чего доводит.

17-го числа. В четверток, ставши поутру (помня, что с вечера у меня в доме была теща Наталья Степановна, которая меня журила и убеждала, что бы я шел к ее детям на службу, но я же за это ей множество нагрубил). Вспомнил я, что сего числа память сыну Андрею, то есть этого числа был именинник, которому было бы уже 21 год, а помер он 19 лет. И вспомнил, что вчера тещу обидел. Итак, подумавши, решился идти к шурьям чай пить, а потом поступить на службу. Напившись чаю, а теща от детей тихонько поднесла рюмку

водки, потому что Левонтий Ермолаевич не велел подносить, чтобы я опять не заразился пьянством. Пошли мы в лавку, пришли мы в лавку, и мне сделал предложение Левонтий Ермолаевич, что бы садился писать. И так я сел писать, и поступил сего 17-го октября на службу. И этот день провел благополучно за письмоводством, но все-таки водки понемногу раза три выпил.

Л. 239об.

18 и 19 числа занимался письмоводством, но все-таки понемногу выпивал.

19 числа. Это было воскресенье, страшная была тоска. Пить водку очень хотелось. И так, пролежал в постели до половины поздней обедни. После обедни, напившись чаю, пообедал, опять лег. Вечером, напившись чаю, жена стала собираться к матери в доме домовничать, потому что теща ее снохи намеривалась идти в гости (к Полуниной сестре Авдотье Степановне на свадьбу, в этот день у Полуниной обвенчали сына Степана Михайлова). А Левонтий Ермолаевич с женой Екатериной Ивановной отправились на гостинцы к Якову Терентьевичу Тагунову, к которому просватал вторую дочь за сына Михаила Дмитриева Пестова. Часу в 7-м пополудни, вышел я на двор, когда уже проводил жену, увидел зарево, пошел к брату в кабак, узнать, где горит. Узнаю, что горит деревня Орлова. Брат начально намеревался поднести водки, но в это время пришли из пожарной солдаты, а один из них знакомый Назаров. Когда они пили водку и мне поднесли стакан, а брат ничего не поднес, может быть, догадался, что Назаров мне поднес. И я, выпивши, отправился домой спать.

Сего числа на 21 число в ночи родила жена шурина Алексея Ермолаевича дочь Анну, а тезоименитство ее 9-го октября.

21-го числа. Шурина Левонтий Ермолаевич дал вперед за службу денег 5 рублей серебром – выкупить мне тулуп, заложенный у Алексея Дмитриева Дьяконова в 5 рублей серебром. 5 рублей серебром брал деньгами:

Л. 240

два рубля на перекладку в доме печи и три рубля для проезде в Нижний. Но Дьяконов был так добр, что ждал за мной деньги более 6-ти месяцев, но проценты не взял. Только мы с ним выпили две колушки вина (но я сам от него вина тоже много припил). И потом я от него зашел к брату в кабак, и от него выпил винца, и домой пришел гораздо навеселе.

22 числа. В число явления иконы Божий Матери, именуемая Казанская: как этого числа 1836 года, сидевши в кабаке, в ближней слободе и, взумавши привести из подвала вина, а за грехи мои, разлил из этого вина более, нежели на 100 рублей на ассигнациями.

С этого дня положил намерение не пить вина никакого, кроме домашней браги и кабацкого меда. Но как я знаю, что собою владеть не властен, то прошу навсегда помощи от Создателя всех миров и от его Пречистой Матери, и от Пророка Его Иоанна Крестителя, и от всех Ему угодивших Святых Его. Но без их помощи сомневаюсь я, чтоб исполнить мог это намерение, но верю в благость Господа Бога моего и в ходатайство Ему угодивших, что Господь избавит меня от пьянства и благословит Своею Благодатию. В это время я пьянствовал, с 25 июля по сие число, следовательно, 89 дней.

В 5-м часу пополудни был я в конторке. Приходит свояк мой Иван Егорович Дихтярев, у которого я стал напрашиваться, чтобы он напоил меня чаем в трактире, но он под некоторыми

Л. ?

предлогами, отклонился от этого. Потом, вышедши в лавку, увидавшись с шурином Левонтием Ефимовичем, и пошли с ним в трактир чай пить. Как мне это было горько, и не знал, к чему это применить, к тому ли, что меня ненавидят и не хотят иметь со мною никакого сообщения, или им нужно было по делам их от меня удалиться. А, может быть, дух злобы хотел поселить такой раздор, потому что племянник Николай (он Павла Ефимовича шурина), потому что он высказал нечаянно, что они ушли в трактир.

Этого же числа брат Владимир с большою вежливостью и уклончивостью подарил мне помочи [63], но прежде я их просил, но он от этого уклонялся.

С семи часов и по 12-й час пополудни пировали в доме шурьев, крестины Анны Алексеевны (дочери шурина Алексея Ефимовича). Крестными были крестный дедушка Василий Сергеевич Мяздриков, а крестная бабушка Наталья Степановна Тагунова. На этом пиру Господь помиловал меня от вина, и этот весь день прошел без примечаний вследствие вина.

23 число. Бог помиловал, вина не пил. И день прошел без всяких примечаний.

24 число. Было рождение сыну моему Ивану, которому уже минуло 10 лет. И в этот день Бог помиловал от вина, и никаких последствий не случилось.

25 числа и по 28 число занимался у шурьев в конторе, от вина Господь миловал, и примечательного ничего не было.

28 числа была именинница свояченица Прасковья Ефимовна Дихтярева, хоша

Л. 241

мужа ея, Ивана Егорова, я и видел по утру в лавке у Тагуновых, у шурьев, и его проздравлял с именинницей, но Дихтярев промолчал и не пригласил на именины к жене. Но только мне дома говорила моя жена, что дочь Дихтярева, Александра, приходила к теще и нас приглашала на именины. Да еще вечером в конторе шурья настояли, чтоб я шел на именины, и я, посовестившись их, был на именинах и носил в принос три калача по 5 копеек серебром, а жена моя платок в 20 копеек серебром. Из 3-х калачей свояченица обратила два калача на именины сыну моему Ивану. На именинах пили чай и хорошо закусывали, но вина, по Божей милости, я не пил.

С 29-го числа и по 1 число ноября прошло время благополучно, без всякого искушения и тревоги.

НОЯБРЯ 1-го числа, по милости Бога, прошло хорошо.

Со 2-го по 24 число прошло время без покушенья (то есть без пьянства и без всяких примечательных происшествий). И в это время занимался у шурьев Тагуновых письмоводством в конторе.

24 числа. Это было воскресенье, и были именинницы у шурьев жены, у Левонтия Ермолаевича – Екатерина Ивановна. У Алексея Ермолаевича – Екатерина Васильевна. Но Алексея Ермолаевича не было в Муроме. И мы с женою были приглашены на именины. И на этом бале Господь избавил меня от пьянства.

С 25-го по 29-е число занимался у шурьев в конторе. И это время прошло без происшествий и без пьянства.

29 число. Это была пятница. Поставили в рекруты из муромских мещан последнюю ставку, и в этот день обрили [64] портного Ивана Серина, и постояльца

Л. 241 об.

из нашего дома, из новопришедших, Александра Степанова Иванова, сына его Андрея Александрова. Когда повели из Думы до приемной, и я рекрутов проводил до приемной. В этих рекрутах так же был сын Ивана Артемьева Немчинова Петр, и он в это время был бракован. Воротился обратно в контору писать, пописал не более часа, увиделся с Иваном Самойловым Стуловым, которого я позвал в приемную смотреть, как бреют. Отошедши от лавки шурьев, встретил крестьянина Василья Иванова Балашева, а, еще немного отойдя, встретил Карпыча Киселева, и Стулов нас зазвал в Сининской кабак (в это время тут сидел брат Владимир). И мы от Стулова выпили по шкалику вина. Следовательно, я не пил вина только дней 38. Потом дух злобы и моя слабость открыли путь к пьянству. И последнее время дня я пропьянствовал у А.Д. Дьяконова и у рекрута в нашем доме Иванова. И так пришел в дом в нетрезвом виде и, пошумевши, лег спать.

30 числа. Весь день пропьянствовал, а пил под заклад вещей и выманивал разными извилистыми путями.

ДЕКАБРЯ с 1-го по 4 числа пьянствовал под залог, в долг, и разными расчетами находил вина для пьянствования. И в эти дни в доме шумел, и постоялку Анну Яковлевну в пьяном виде обидел сильно словами.

Л. 242

4-го и 5-го числа занимался в конторе письмоводством, но вино понемногу тоже попивал.

6-го числа. Был именинник Павла Ермолаевича сын Николай. И мы, поздравивши Николая, и Иван Ермолаевич давши нам на чай денег, послал в трактир пить чай. Левонтий Ермолаевич в это время был нездоров слабостью к вину. И мы отправились в трактир чай пить: я, Ефим Ермолаевич Тагунов, Иван Ефимович Зворыкин, Иван Самойлович Стулов, Григорий Иванович Зворыкин, Иван Михайлович Петелин и Иван Иванович Чернавин. Напившись чаю, я отправился было в лавку, то есть в контору писать, но лавка была заперта. Николай Павлов с подручными ушел в церковь к обедне.

Как увидавши, что лавка заперта, я отправился к брату Владимиру в кабак, «в сининской». Пришел в кабак, брат мне стал говорить, что нынешний только день да и последний принимают объявления на кабаки [65], при этом сказал мне, что бы я сходил в казначейскую за бумагой. Взявши у брата денег и купивши в казначейской три листа по 20 копеек серебром бумаги [66], и давши приказному гривенник и шкалик вина, который за это у полиции со столба сорвал объявление о питейных домах. Потом зашел к брату у коего застал А.Д. Дьяконова, выпивши с ним водки, отправились со мной в дом. Написал пять объявлений, брату два, Дьяконову одно, и себе

Л. 242об.

два объявления. Одно на себя, объяснив, что на оставшиеся питейные дома, а другое на жену, поименовав несколько питейных домов. Для своих объявлений я за бумагой посылал из дому, на братиной бумаге не хотел писать. Что-то на брата разгородился, за то, что уже был пьян. Объявление на жену по такой форме не принято, на меня было принято, и была послана мною вперед с женою, которые и подавал брат Владимир надзирателю. Но я, пришедши в Спасской питейный дом, еще написал объявление Ивану Митрофанову Парину на простой бумаге (и наши объявления можно бы подать на простой бумаге, но брат не мог хорошенько разузнать этого). Потом у И.М. Парина я, А.Д. Дьяконов, Петр Иванов Попов гораздо попили вина. Потом с братом Владимиром я отправился домой и, как бывши довольно пьян, и будто бы как шедши с братом домой и дорогой называл брата дураком и повторял это слово несколько раз.

С 6-го числа я больше не занимался в конторе у шурьев. Во-первых, оставил занятие от пьянства, а потом от дурного обращения со мною шурьев (или хозяев). И незнание ихнего дела в бухгалтерии, и посему я только служил у них с 17 октября по 6 декабря – 50 дней – полагая сам себе жалованья по 15 рублей серебром в месяц. Но через жену я слышал, что

Л. 243

они хотели полагать жалованья по 10 рублей серебром в месяц. И так оставил у них службу от пьянства, от ихнего обращения, от ихнего недоброежелательства.

7-го, 8-го и 9-го числа пьянствовал и дебоширничал. А 9-го числа была жеребьевка на питейные дома (в Акцизном управлении [67] Успенского монастыря [68], в доме Кушельникова). Но как я, напившись очень пьян в Спасском питейном доме у И.М. Парина, и по сему не мог быть на жеребьевке. Но как кончилась жеребьевка, и мне сказали, что достался мне питейный дом в Зяблицком погосте [69], Чарочной. Когда из управления сошлись сидельцы, в том числе были из... <неразб.> Лавр Петрович Гузкин и Иван Антонов Лесин, и Петр Иванов Попов (последний из муромских мещан). И увидевшись с ними в Спасском питейном доме, попивши с ними довольно вина, отправился я домой. Но, как бывши довольно пьян, а пить еще хотелось, то зашел в кабак возле брата Владимира к женщине, сидевшей от Николая Васильева Зворыкина, сбросил с себя сертук и взял деньгами 30 копеек серебром. Но после за это было отдано 40 копеек серебром. А куда эти деньги мною издержаны, и как клал я сертук – совершенно было забыто от пьянства. А узнал и выкупил сертук дней через 15. Стало быть, был до безумия пьян.

10 числа. Пьянствовал – а к вечеру, бывши довольно пьян, зашел к шурьям в лавку, расхваставшись о выгодах Чарочного питейного дома, и что много дают отсталова < так в рукописи >. Потом, вздумавши пройти к теще, в дом на именины к Анне

Л. 243об.

Николаевне, жене Павла Ермолаевича, которая была именинница 9-го числа. Но впереди меня шли сын Павел и Николай и захлопнули туго калитку, но мне показалось, что они заперли. Рассердившись, махнул рукой и отправился домой.

11-го числа. Весь день пропьянствовал.

12-го числа. Вздумали у тещи сделать бал за 9-е число, за именины Анны Николаевны, куда мы с женою были приглашены. А к самому балу приехал из Санкт-Петербурга и Павел Ермолаевич. Бал был веселый, и я, напившись довольно вина, много намеками дерзко выговаривал шурьям, намекая им недоброжелательство к родным, и называя их косыми, и много дерзких от пьянства слов произносил. По-видимому, сердились, но на слова мои ничего не противоречили. Итак, понапившись гораздо, отправился домой спать.

13 число. Пришел в дом к теще, а шурин Левонтий в это время пил. И когда нам подали вина, и я как-то высказал шурьев номерами, он, бросившись за мною, хотел меня бить, но я успел скрыться и отправился домой. Впрочем, этот день весь пропьянствовал: ездил с Иваном Самойловым Стуловым в затон, там пили чай, и я писал накладную на Выксу [70] на чугунные вещи из парохода капистонного «Одесса». А ехавши в затон, у перевоза пили вино, и подносили Михаиле Родивонову Бибину. Возвратившись из затона, еще кое-где напившись, и домой пришел пьяный, пошумел и несколько расшиб горшков и сковород.

Л. 244

14-го числа. Весь день пропьянствовал. Но с этого числа стал чувствовать боль в глазах.

15-го числа. Немного было. Пил, но глаза очень разбалчивались. И на 16-е число в ночи сильная была ломота в голове и глазах.

16-го, 17-го и 18-го числах пил, но немного. Но глаза сильно болели, в голове была ломота, а в глазах сильная резь. И эти дни ничем не занимался.

19-го числа. На память мученика Вонифатия жену послал отслужить молебен мученику Вонифатию. И положил в голове намерение – с этого числа вина не пить, табаку не курить и п. пл. [71] как можно реже заниматься. Господи, услышь мое прошение и благоволи помощью своею мое намерение исполнить.

20 и 21-го чисел. Хоша глаза болели, но имел намерение, то есть заставляли обстоятельства, еще шурьям послужить, пописать в конторе. Но, взошедши в контору, в конторе находились Павел Ермолаевич и Ефим Ермолаевич, которые на меня поглядели очень косо, даже Павел Ермолаевич на меня не обратил никакого внимания и не подал мне руки. Такой их холодный прием для меня был очень оскорбителен, и я положил в уме с этого числа никогда у них не служить.

22-го числа. Вздумал ехать в погост посмотреть на Чарочный питейный дом, который мне достался по жребию, да и надзиратель советовал съездить. Нанял извозчика из дальней Ямской, свозить туда и обратно за 2 рубля 50 копеек серебром на паре. Да он из Муром до Манакова вез женщину за 1 рубль 20 копеек серебром. Доехавши до Манакова часу в 1 пополудни, тут остановились и переночевали.

23-го числа в 5 часу утра я отправился с манаковским дворником Григорьем Ильиным (ямщик передал ему свозить

Л. 244об.

меня в погост и обратно за один рубль серебром). Приехали в Зябликово в 9-м часу утра (остановились в Зябликове). Напились чаю, я отправился в погост пешком. Взошедши в Чарочный питейный дом, осмотрел питейный дом (в нем в это время сидел Иван Андреев Дьячков, от Гогина). Я увидел тут Ивана Колоскова, от коего узнал, где находится Иван Антонов Лесин. В это время Лесин торговал вином недалеко от Чарочного питейного дома в доме под фирмою «Постоялого двора». Попивши у Лесина чаю, отправились с Лесиным осматривать Чарочный питейный дом, пригласивши плотника из солдат, и по общему суждению заключили, что поправка эта будет стоить от 50 или не больше 60 рублей серебром. Побывши немного в погосте, отправился в Зябликово, а в Манаково приехали в 8-м часу пополудни.

В Монакове, увидавшись с откупщиком Иваном Ермолаевичем Тагуновым и Степаном Михайловым Полуниным, с которыми я вместе ужинал, и вместе ночевали в Монакове.

24 числа. В 1-м часу утра выехали из Манакова в одно время с Тагуновым. В Муром прибыли в 4-м часу утра, и этот день пробыл без действия. А в погост проездил: за подводу 2 рубля 50 копеек и на содержание 75 копеек. Всего 3 рубля 25 копеек.

25 число. Для праздника Рождества Христова были в гостях в монастыре у казначеи Маргариты (у крестной моей жены и у тещи Н. С. Тагуновой).

26, 27 и 28 числа занимался чтением С. П. [72].

29 числа. Были в гостях с женою у своячницы Андрея Ивановича Калинина.

30 числа. Занимался чтением Священного Писания.

31 числа в 11 часу утра ходил к надзирателю. Объяснял об поправке Чарочного питейного дома, и по предложению его согласился принять это заведение без аренды 150 рублей серебром, но только поправить: о сем послал в Казенную палату [73], а мне подождать приказал до 10-го января месяца, какое будет распоряжение от Казенной палаты.

Примечания:

1. Подклет – нижний этаж каменного или деревянного дома, обычно служебно-хозяйственного назначения. Как видно из документа, Гладковы весь нижний этаж сдали под жилье квартирантам. Это был основной доход семьи.

2. Сертук – сюртук, мужская верхняя одежда. Классический вариант – двубортный с длинными полами. Среди купеческо-мещанского сословия в 1860-е годы считался модной престижной одеждой.

3. Сватья – родители молодых и их родственники по отношению друг к другу. Свояченица – сестра жены. Свояки – лица, женатые на двух сестрах.

4. Поскольку в Муроме многие купцы занимались скототорговлей, св. Власий, покровитель домашних животных, был в городе в почете.

5. Ведерная – винная продажа, не распивочная, не мелочная.

6. Складчик – кладовщик, наемное лицо у купца.

7. Святцы листовые – церковный календарь, иллюстрирующий жизнь святых. Часто каждому святому отводился отдельный лист.

8. «Потерянный рай» – поэма английского поэта Джона Мильтона (1608–1674).

9. Акафист – торжественная молитва, состоящая из многих частей.

10. «Жития муромских чудотворцев...» или «Повесть о водворения христианства в городе Муроме», составлена в XVI в. на основе древних местных преданий. Среди жителей Мурома была распространена в рукописях до конца XIX в.

11. Трехрублевый билет – трехрублевая ассигнация.

12. Квартальный надзиратель – до середины XIX в. должностное лицо городской полиции в Российской империи. Надзирал за порядком в определенном квартале.

13. Востоков А.Х. Грамматика церковно-словенского языка изложенная по древнейшим онаго письменным памятникам. СПб., 1863.

14. Греч Н.И. Практическая русская грамматика. СПб. 1827; Начальные правила русской грамматики. СПб., 1828; Пространная русская грамматика. СПб., 1827. Т. 1.

15. Пестенькино – село в Муромском уезде.

16. Постоялка – квартирантка.

17. Замужние крестьянки из окрестной сельской местности, чьих мужей забрали в армию, весьма часто переселялись в город, где или становились «вольными девками», или шли на содержание к мастеровым и отставным солдатам.

18. Подати – государственный подушный налог, введенный Петром Первым.

19. Пильщик – рабочий, занимающийся распиловкой.

20. Годовая ярмарка в Муроме. С 1770-х гг. проводилась в день св. Петра и Февронии и длилась до десяти дней. На торг съезжалось до 10 тыс. чел.

21. Пряничник – изготовитель пряников и др. сладостей; распространенная профессия среди городских ремесленников.

22. При записи автор начал пользоваться освоенной им метрической системой мер.

23. Муром славился своими калачами – они даже попали на герб города, и их дарили по разным поводам как лакомство.

24. Кислые щи (шти) – старинный русский медово-солодовый напиток, разновидность шипучего кваса.
25. Пароход «Нимфа» построен на заводе Нобеля в Петербурге в 1859 г.
26. Половой – прислуга.
27. Москательная лавка – лавка, где торгуют химическими товарами: красками, клеем и т.п.
28. Кунавино – Канавино, небогатый район Нижнего Новгорода.
29. Планкотный – правильно плашкоутный, наплавной, мост, ежегодно наводившийся через Оку для связи Нижегородской ярмарки с городом.
30. В наплавных мостах устраивалась подвижная часть для пропуска судов. На ночь она обычно открывалась – мост резводился.
31. Золотник – единица измерения веса (около 4,2 грамма).
32. «Поспешный» – один из первых пароходов компании «Самолет».
33. Чудь – село на Оке, между Нижним Новгородом и Муромом.
34. От Собора – собор Рождества Богородицы, главный храм Мурома. Разрушен в конце 1930-х гг.
35. К Спасу – Спасо-Преображенский мужской монастырь, по преданию принадлежит к древнейшим обителям Северо-Восточной Руси.
36. Архимандрит Амвросий (Половцов) – настоятель муромского Спасо-Преображенского монастыря (1863–1866).
37. Трохмальный, трахмальный (искаж.) – крахмальный. Картофелетерочные заводы, изготовлявшие крахмал, занимали видное место в промышленности Мурома.
38. Пешник – печник.
39. Церковь, стоявшая за торговыми рядами.
40. Целовальник – должность по исполнению судебных и полицейских обязанностей.
41. Села на правом, луговом берегу Оки. Село Дедово расположено в 24 верстах от Мурома, рядом с карстовым озером Свято, которое является объектом религиозного почитания.
42. Благовестили – от: благовест – церковный звон одним большим колоколом, извещающий о начале богослужения.
43. Всенощна – всенощная, богослужение, совершаемое вечером накануне воскресенья и праздников; объединяет службы вечерню и утреню.
44. Заутренняя – первая церковная служба.
45. Десятина – единица измерения площади (1,09 га).
46. Обедня – простонародное название Божественной Литургии (главного христианского богослужения), так как совершается утром, до обеда.
47. Откупщик – лицо, приобретшее у государства право на какой-либо откуп.
48. Особо чтимая святыня храма икона «Спас Нерукотворный» XVII в. Почиталась как чудотворная, привлекая значительное число паломников из окрестных жителей.
49. Косушка – русское измерение объема жидкости (1 косушка = 1/40 ведра = 1/4 кружки).
50. Успенская церковь. Построена в 1790 г. на средства муромского купца Д.И. Лихонина. Разрушена в 1923 г.
51. Щекатуров (искаж.) – штукатуров.
52. В черте города было специально отведенное место для размещения войск. Полк создан в 1813 г. из Московского гарнизонного полка. В 1830–1850-х гг. был егерским полком. С 17 апреля 1856 г. – Тарутинский пехотный полк. С 15 июля 1860 г. – Тарутинский пехотный великого герцога Ольденбургского полк. С 25 марта 1864 г. – 67-й пехотный Тарутинский великого герцога Ольденбургского полк.
53. Возможно, это первая деревянная беседка на обустроенном бульваре в 1856 г. в Окском саду.
54. Частный пристав – офицер полиции. В первой половине XIX в. города делились на полицейские округа, которые возглавляли частные приставы.
55. Панихида – специальная служба по усопшему.
56. Чуйка – верхняя мужская одежда мещан в России в XIX – начале XX вв. из сукна, длиной обычно до колен.

57. Капистонного (искаж.) парохода – видимо, речь идет о кабестанном (от кабестан – лебедка с вертикальным барабаном) судне, одном из ходивших по Волге. С судна вперед по пути его движения завозили на особой лодке якорь с привязанным к нему канатом. Якорь бросали в воду, а конец каната, оставшийся на судне, выбирали на вороте, за счет чего судно продвигалось. В 1823 г. ворот, приводимый в движение людьми, заменили конным кабестаном. Новое судно стало называться коноводным.

58. В записи отражено характерное «уканье» муромского говора: «угород», «удеяло».

59. Мытная улица – современная ул. Тимирязева(?).

60. Вольная девка – проститутка, промышлявшая самостоятельно, вне дома терпимости.

61. Полетная или Пролетная улица – современная ул. Чулошникова.

62. Крестовоздвиженская церковь – построена в 1797 г. на средства муромского купца Антонова. По преданию, на этом месте стоял монастырь, упомянутый в «Повести о Петре и Февронии». В 1930-х годах храм был взорван.

63. Помочи – подтяжки к брюкам.

64. При наборе рекрутов годным к воинской службе подбрасывали лоб, негодным – затылок. Отсюда выражение «забрить в солдаты».

65. Видимо, речь идет о разрешении торговли спиртным в питейных домах, которое выдавалось сроком на 1 год.

66. Вероятно, гербовой.

67. Акцизное управление – государственное учреждение, ответственное за взимание и установление сборов косвенного налога на продукты массового потребления.

68. Успенский монастырь – такого монастыря в Муроме не было. Речь, вероятно, идет об Успенской церкви, построенной в 790 году на средства муромского купца Д.И. Лихонина. Основная часть церкви разрушена в 1923 г.

69. Зяблицкий погост (ныне село Арефино) – крупное село по дороге от Мурома до Павлова.

70. Выкса – тогда поселок в Нижегородской губернии, на правом берегу Оки, в 50 верстах от Мурома. В Выксе и вокруг нее располагалось около десятка железорудных и чугунолитейных заводов. Основа производства была заложена выходцами из Тулы братьями Баташевыми.

71. П. пл. – потехами плотскими?

72. С. П. – Священного Писания (Библии).

73. Казенная палата – губернское учреждение министерства финансов Российской империи.

(Продолжение в следующем номере)